

Ведущий рубрики — кандидат исторических наук Алексей Манаев

Два урока от маршалов

Однажды в участковой избирательной комиссии довелось мне коротать время с проректором по административно-хозяйственной части Академии общественных наук при ЦК КПСС Дмитрием Григорьевичем Квоком. Наше, активистов-общественников, дежурство было ритуально формальным, никто в комиссию не заглядывал, и мы играли в шахматы, заодно рассказывая занимательные истории.

Если быть точным, рассказывал Дмитрий Григорьевич. Рассказчиком он был удивительным. Своего рода Иракий Андроников, только покрупней телом, поэмоциональней и, я бы сказал, с меньшим налетом интеллигентской учтивости. Да и было чем поделиться ему с любым собеседником.

Квок рано остался без отца. Матери с двумя детьми пришлось перебраться из Белоруссии в Москву и жить в тесной каморке. Зато находилась она в центре столицы, в районе знаменитого дома на набережной. Поэтому учился и дружил с отпрысками влиятельных государственных и партийных персон. После войны возводил МГУ, Лужники, был причастен к созданию Московского телецентра, работал председателем одного из расположенных в самом центре столицы райисполкомов. Не удивительно, что среди его знакомых были десятки именитых людей. В нынешней терминологии — элита общества. Тут и партийные, и государственные деятели типа Екатерины Фурцевой, и знаменитые врачи, и видные деятели культуры и

Герой Советского Союза гвардии
полковник В.Д. Радченко

искусства, и конструкторы оружия, и даже представители невидимого фронта — разведчики.

Но больше всего мой визави рассказывал о войне, которая его тоже не миновала. Попал Дмитрий Григорьевич на фронт в качестве командира отделения связи в середине 1943 года и до победного конца испытывал судьбу фактически с одним командиром-артиллеристом, обеспечивая ему связь и охрану. Повезло? Не знаю. Конечно, не многострадальная пехота. Но и противотанковая артиллерия тоже создава-

лась не для того, чтобы печь блины на масленицу.

Сегодня смотришь на противотанковые пушчонки тех лет, представишь немецкую лавину танков, идущих в атаку, допустим, под Прохоровкой в 1943 году, и покажутся вдруг эти пушчонки наивными, беспомощными барышнями, случайно забредшими на поле боя. Но ощущение именно кажущееся. Специалисты утверждают, что и в начале войны, и уж тем более в ее конце наша техника была способна вывести из строя любое немецкое бронированное чудовище. Другое дело, что немцы концентрировали танки на узких участках фронта, создавая из них ударные прорывные кулаки, и бороться с этими кулаками противотанковыми пушками, рассыпанными по батальонам, полкам и дивизионам крохами, было непросто.

Впрочем, танк есть танк. Даже тогда, когда были сформированы специальные противотанковые части, райской жизни у артиллеристов не наступило. «Ствол длинный, жизнь короткая», «Прощай, Родина!» — так среди военных отзывались о солдатах и офицерах, воевавших в истребительно-противотанковой артиллерии Красной Армии.

Особый разговор о командире Квока — Герое Советского Союза Василии Дмитриевиче Радченко. Вспоминаю в его фотографию. Побритая наголо крупная, похожая на кавун, голова, подбородок с ямочкой «под Жукова» — ничто не выдает в нем человека отчаянного до безрассудства, до мистификации.

Войну Василий Радченко встретил не мальчиком. Служил начальником штаба артиллерийского полка Киевского Особого военного округа. За плечами — Первое Киевское артиллерийское училище, курсы усовер-

шенствования офицерского состава при Артиллерийской академии Красной Армии. Отступал до Волги, защищал Сталинград и через Киев возвращался в Европу. За боевые заслуги Радченко стал полковником, командиром 23-й артиллерийской бригады, вошедшей в резерв Верховного главного командования. Не за красивые глаза удостоен звания Героя Советского Союза. Вот телеграфно скупые строки его боевого пути.

«С лета 1942 года сражался в составе 63-й стрелковой дивизии 21-й армии Сталинградского фронта в должности начальника штаба дивизионной артиллерии. В июле-августе 1942 года майор Радченко отличился в боях за донские переправы в районе города Серафимовича. За счет умело организованного артиллерийского огня 63-я стрелковая дивизия в течение 31 июля 1942 года отразила несколько атак пехоты и танков противника, уничтожив до 2000 вражеских солдат и офицеров, три минометные батареи, 30 орудий и 10 пулеметов».

«Удержанные летом 1942 года под Серафимовичем позиции 63-я стрелковая дивизия 21-й армии в составе Юго-Западного фронта занимала до начала советского контрнаступления под Сталинградом. В ходе начавшегося наступления артиллерия дивизии и приданные ей артиллерийские части усиления под непосредственным руководством подполковника Радченко в период с 19 по 24 ноября 1942 года обеспечили прорыв стрелковыми подразделениями двух линий немецкой обороны в районе станицы Распопинская и хутора Избушенский, в результате чего была окружена и разгромлена крупная группировка противника. Было уничтожено более 5000 солдат и офицеров неприятеля, взято в

плен до 20000 вражеских солдат, захвачено в качестве трофеев до 200 артиллерийских орудий, до 350 минометов, до 5000 лошадей, 270 подвод, до 1500 винтовок, 20 автомашин и большое количество другого военного имущества. За отличное проведение операции 27 ноября 1942 года 63-я стрелковая дивизия была преобразована в 52-ю гвардейскую».

«В январе 1943 года 21-я армия была передана Донскому фронту и принимала участие в операции «Кольцо», в ходе которой была ликвидирована окруженная под Сталинградом группировка немецко-фашистских войск. К началу операции стрелковые части дивизии испытывали серьезную нехватку личного состава, и основной ударной силой стали ее артиллерийские подразделения. Во время наступления в период с 10 по 26 января 1943 года начальник штаба артиллерии дивизии гвардии подполковник В.Д. Радченко образцово управлял артиллерийскими соединениями и обеспечил их хорошее взаимодействие с пехотой, чем способствовал выходу дивизии на участок железной дороги Сталинград — Красный Октябрь — Александровка, где она соединилась с частями 62-й армии».

В подобных скупых протокольных красках описан весь боевой путь полковника. Сомневаться в том, что было именно так, а не иначе, нет причины. Но... Рассказы Квока хороши тем, что дополняют этот лишенный жизни портрет, показывая командира, лихого до бесшабашности, способного на мистификацию, смахивающую на авантюризм, на удачу, граничащую с бравадой. Противник впадал от его неожиданных поступков в ступор и терял способность к сопротивлению.

Вот пример. 1 августа 1942 года майор Радченко с шестью бойцами

на двух бронемашинах в городе Серафимович атаковал колонну немецкой пехоты численностью до батальона, уничтожив до 100 военнослужащих вермахта, два станковых пулемета и много другой техники.

Еще факт. Октябрь 1943 года. Идут тяжелые бои за Киев. На фронт прибывает маршал Жуков. Ставка торопит, а развязка не приближается. Красноармейцам попался новенький исправный немецкий «тигр». Радченко немедленно воспользовался подарком. Он подобрал экипаж, включив в него и себя. «Тигр» в ночной неразберихе в рядах отступавших немецких войск благополучно миновал линию фронта, углубился на десяток километров на занятую фашистами территорию. Затем, развернувшись, машина на бешеной скорости стала давить технику, поливать захватчиков огнем и благополучно добралась до своих позиций.

Слух о ночном вояже Радченко дошел до Жукова. Маршал потребовал командира артиллерийской бригады на ковер — для разбора полетов. Разбирали шумно и долго. «Лучше бы ты не в атаку ходил, а выбивал танки своими пушками», — на повышенных тонах выговаривал маршал.

Радченко получил десять суток домашнего ареста «за хулиганство». Когда командир бригады выходил из землянки, Жуков остановил его и что-то сунул в руку. Дома комбриг обнаружил орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. Как рассказывал Дмитрий Григорьевич, бывалый командир расплакался как ребенок. Рассказчик, правда, не преминул напомнить, что в то время присваивать звание Героя мог только Президиум Верховного Совета СССР. Но это ведь Жуков! Указ не ставил себя ждать.

Я внимательно прочитал представление к награде. Правда, к ордену Ленина. В нем, конечно, нет ни слова о художествах Радченко, хотя косвенно художества эти подтверждаются. Говорится, например, что маневрируя «огнем и колесами», артиллерия 167-й Краснознаменной Сумской стрелковой дивизии под личным руководством гвардии подполковника Радченко умело «подавляла огневые средства противника, очищая путь нашей пехоте для переправы через Днепр».

Вот тут-то вольно или невольно задумаешься. В печати с негативным оттенком нередко приводятся примеры, когда в начале войны молодые необстрелянные командиры ротами и взводами атаковали едва ли не немецкие батальоны. Хорошего в таких атаках действительно мало. Но Василия Дмитриевича к

новичкам, необстрелянным юнцам не отнесешь. Он командир бывалый. Так что же заставляло его пускаться в авантюры? Я думаю, одно. И в том, и в другом случае войска были измотаны, надо было поднять их дух чем-то неординарным, сродни легенде. И Радченко решился на трюк с «тигром», ставший действительно легендой. Скорее всего, именно поэтому маршал Жуков столь высоко оценил эту дерзкую выходку, противоречащую всяким уставам и наставлениям.

Судя по рассказам Квока, Василий Дмитриевич до конца войны не раз удивлял и командование, и товарищей по оружию. Представим себе ситуацию. На пути бригады оказалось село Раковка (сегодня оно в Киевской области Украины). Село — малая родина Радченко. Начальство потребовало, чтобы артиллеристы сме-

Монумент Победы в столичном Парке Победы на Поклонной горе

ли с лица земли Раковку, потому что там окопалась группировка фашистов, которая приостановила наступление наших войск. Перед командиром встал вопрос, как быть. В селе остались его мать и родственники. Не хотелось подвергать огню родное гнездо. Долго думали, как провести артподготовку так, чтобы не был затронут ни один дом. Провели. В атаку Радченко вместе с пехотой пошел лично, прихватив и связного Квока. Деморализованные немцы сдались. Только один дом не удалось спасти — дом командира. Сгорел от прямого попадания снаряда. Каково?

Представим себе другую ситуацию. В освобожденном селе Василий Дмитриевич встречается с матушкой. Во время этой трогательной до слез встречи узнает, что родной брат матери был полицаем. Что делает Радченко? Правильно, немедленно отдает приказ — расстрелять предателя.

Ну и, наконец, еще одна ситуация. Наша дивизия, не встретив достаточного сопротивления немцев, значительно оторвалась от соседей и ворвалась в городок Норденбург (ныне поселок Крылово Калининградской области). Опомнились, когда поняли, что боеприпасы на исходе, связи с другими частями нет, а фашисты идут в контратаку.

Выручать дивизию было приказано бригаде Радченко, ближе всех находившейся к городку. А бригадато артиллерийская, пехоты в ней нет, одни орудийные расчеты да небольшая штаб. Но приказ надо выполнять. И полковник нашел выход, снова ударившись в мистификацию. Дело шло к ночи, полки наступали по строго определенным маршрутам. Машины шли с включенными фарами, личный состав вел беспорядочный огонь трассирующими пулями, в темноту летели гранаты, взрывы

которых заглушали крики «Ура!». Фашисты не стали испытывать судьбу и оставили город в покое. Мой собеседник предположил, что при штурме Берлина, когда были задействованы прожекторные части, маршал Жуков творчески развил опыт Радченко. Я отделался тогда дипломатической улыбкой, а теперь думаю, что ничего в этом предосудительного нет. Полководцы не только давали уроки подчиненным, но и сами учились у них. Значит, было чему учиться и полководцам.

К слову об уроках и полководцах. Дмитрий Григорьевич вспомнил, как в самом конце войны в артиллерийскую бригаду прибыл командующий 3-м Белорусским фронтом маршал Советского Союза А.М. Василевский. Маршал обходит строй бойцов, которые надраили до глянца все, что можно было надраить, и останавливается у невзрачного, хилого солдата. Строй напряжен в ожидании.

— Давно на фронте? — спрашивает.

— С первых дней войны, — теряясь, отвечает вытянутый в струнку солдат.

— А почему без наград? — удивляется маршал.

— В бригаду попал недавно. До этого служил в пехоте. А там конвейер: передовая, бой, госпиталь, передовая, бой, госпиталь. Награды не успевали, товарищ маршал.

— Д-а-а-а, — протянул командующий. — И сколько раз ранен?

— Пять, товарищ маршал.

Василевский, подтянувшись, поджав полнеющее тело и отдавая честь солдату, громко, четко, акцентируя внимание строя на каждом слове, произнес:

— За мужество и храбрость награждаю вас орденом Красного Знамени.

Вскоре командующий в хорошем расположении духа отбыл из бригады. А Радченко еще долго корил и корил себя за то, что не удосужился поощрить рядового бойца.

— Вот вам почерк настоящего полководца. А я просто вояка, — по словам Квока, такими уничижительными словами характеризовал Радченко себя в близком кругу.

Мы с тобой, читатель, тоже не будем к нему снисходительны. Будем в высшей степени справедливы к человеку, которого давно нет среди нас.

Справедливы к гвардии полковнику.

Справедливы к Герою Советского Союза.

Для нас он воин, много раз собственной грудью защищавший страну. А настоящий воин и настоящий полководец — родные братья.

Потому что они сыны Отечества!

Жаль только, что в Интернете не удалось найти достойной фотографии ни памятника Радченко, ни памятника артиллеристам — истребителям танков. Но думаю, что Монумент Победы в Москве на Поклонной горе воздвигнут и в честь этой неординарной личности, возводившей риск в благодетель.